

УВЕ ПОКУПАЕТ КОМПЬЮТЕР, КОТОРЫЙ НЕ КОМПЬЮТЕР

Уве пятьдесят девять лет. Он ездит на родном шведском «саабе». Есть такая порода людей: случись вам не угодить им, они непременно ткнут в вас пальцем, словно вы тать, крадущийся в ночи, а их палец — полицейский фонарь. Уве из этих. В настоящий момент он стоит у прилавка в салоне и испытующе смотрит на продавца, помахивая небольшой белой коробочкой:

— Вот это, стало быть, и есть тот самый «отпад»?

Продавец, юнец с явным дефицитом массы тела, нервничает. Видимо, борется с желанием отобрать у Уве коробку.

— Совершенно верно. Айпад. Только что ж это вы, не надо бы его так трясти-то...

Уве смотрит на коробку как на предмет в высшей степени сомнительный. Как смотрел бы на обормота в трениках, который подкатил к нему на итальянской «веспе» и со словами «Эй, брателла!» попытался бы втюхать ему поддельные часы.

— Так, так. Это, стало быть, компьютер или как?

Продавец кивает. Но тут же, засомневавшись, энергично мотает головой:

— Ага... Хотя вообще-то не совсем компьютер. Это айпад. Кто-то называет их таблетками, кто-то — планшетами. Как посмотреть...

Уве глядит на продавца так, будто тот вдруг заговорил на тарабарском языке:

— Да ну?

Продавец неуверенно кивает:

— Ну да...

Уве снова трясет коробкой:

— И как он, ничего?

Продавец чешет макушку:

— Ничего вроде. А что вас... Что вы имеете в виду?

Уве, вздохнув, начинает медленно, тщательно выговаривая каждое слово. Словно единственная помеха беседе состоит в глухоте продавца:

— Как. Он. Ничего? Этот. Компьютер. Хороший?

Продавец чешет подбородок:

— Ну, вообще-то... как сказать... Очень даже ничего... Все зависит от того, что вам надо.

Уве, смерив его взглядом:

— Компьютер мне надо. Что ж еще?

Короткая немая сцена. Потом продавец, кашлянув, решается:

— Это как бы не совсем обычный компьютер. Вам, наверное, нужно что-то типа...

Продавец делает паузу, очевидно, подбирая слово, которое вызвало бы у собеседника нужную ассоциацию. Еще раз кашляет. Наконец находится:

— ... типа ноутбука?

Уве, энергично замотав головой, угрожающе нависает над прилавком:

— Да на фиг мне сдался твой ноутбук? Компьютер мне нужен!

Продавец снисходительно кивает:

— Ноутбук тоже компьютер.

Уве, оскорбленно уставившись на продавца, настоятельно тычет в прилавок пальцем-фонарем:

— Это я и без тебя знаю!

— О'кей, — кивает продавец.

Снова заминка. Как если бы два дуэлянта, сойдясь, внезапно обнаружили, что не захватили с собой пистолетов. Уве сверлит коробку долгим взглядом, словно добиваясь от нее признательных показаний.

— Ну а клавиатура тут где запрятана? — цедит он наконец.

Юноша принимается чесать ладони о край прилавка и нервно переминается, как это свойственно начинающим работникам розничной торговли, осознавшим, что обслуживание покупателя займет существенно больше времени, чем предполагалось изначально.

— Видите ли, клавиатуры нет.

Уве (подняв брови):

— Ну, ясное дело! Ее надо докупать, да? За хрен знает какие деньжищи, так?

Продавец снова почесывает ладони:

— Да нет... Ну... В общем, это компьютер без клавиатуры. Все операции производятся прямо с дисплея.

Уве с укоризной качает головой, словно продавец попытался лизнуть мороженое сквозь стекло витрины:

— Так на кой он без клавиатуры? Сам подумай!

Продавец тяжело вздыхает, будто считая про себя до десяти.

— О'кей. Я понял. Тогда вам не стоит брать этот компьютер. Возьмите какой-нибудь другой, макбук например.

Лицо Уве выдает внезапную неуверенность.

— А не бигмак, часом?

Продавец оживает, словно добился решающего успеха в переговорах:

— Нет. Макбук! Точно.

Уве недоверчиво морщит лоб:

— Это не та гребаная «читалка», про которую все нынче талдычат?

Продавец издает эпический вздох, что твой профессионал-декламатор:

— Нет. Макбук — это... эт-то... такой ноутбук. С клавиатурой.

— Да неужто? — язвит Уве.

Продавец кивает. Чешет ладони.

— Ну да.

Уве окидывает взором магазин. Снова встряхивает коробочку:

— И как он? Ничего?

Продавец упирается взглядом в прилавок, явственно борясь с желанием почесать нос. И вдруг расплывается в бодрой улыбке:

— А знаете что? Может, мой напарник уже обслужил покупателя, так он вам лучше все покажет и расскажет!

Уве смотрит на часы. Качает головой:

— Конечно, у нас ведь других дел нет. Торчи тут целый день, вас дожидайся.

Продавец поспешно кивает. Уходит и вскоре приводит напарника. Тот приветливо улыбается. Как всякий новичок, не успевший поднатореть за прилавком.

— Здравствуйте! Я могу вам помочь?

Уве повелительно тычет пальцем-фонарем в прилавок:

— Мне нужен компьютер.

Улыбка начинает сползать с лица напарника. Он переводит взгляд на первого продавца. Взгляд этот недвусмысленно говорит: ну, брат, и схлопочешь же ты у меня.

— Ах, вот что! Ну да, ну да. Давайте сперва посмотрим секцию портативных компьютеров, — без прежнего энтузиазма произносит напарник, обращаясь к Уве.

Уве хмурится:

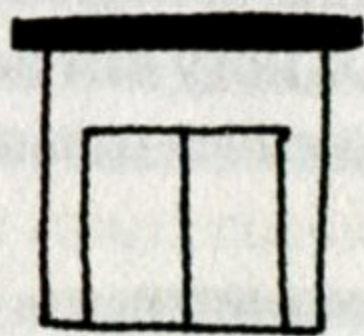
— Черт возьми! Как будто я не знаю, что такое ноутбук! Обязательно говорить «портативных»?

Напарник услужливо кивает. Первый продавец за его спиной бормочет: «Все, с меня хватит, я ушел на обед».

— Ну и работник нынче пошел. Только обед на уме, — хмыкает Уве.

— Чего? — Второй продавец оглядывается.

— О-б-е-д, — по буквам произносит Уве.

(ТРЕМЯ НЕДЕЛЯМИ РАНЬШЕ)

УВЕ ПРОИЗВОДИТ ИНСПЕКЦИЮ ТЕРРИТОРИИ

Без пяти шесть состоялась первая встреча Уве с кошаком. Кошаку Уве сразу не понравился. Надо сказать, неприязнь оказалась в высшей степени обоюдной.

Проснулся Уве как обычно — за десять минут до обхода. Он вообще не понимал тех, кто, проспав, пеняет на будильник. Будильников он отродясь не держал. Просто просыпался без четверти шесть и вставал.

Уве заварил кофе, засыпав в кофеварку ровно столько, сколько они с супругой засыпали все сорок

лет, прожитых в этом поселке. Из расчета одна ложка на чашку плюс еще одна на кофейник. Ни больше ни меньше. А то нынче разучились готовить нормальный кофе. Так же как разучились красиво писать. Теперь все больше компьютеры да эспрессо-машины. И куда оно годится, такое общество, в котором ни писать, ни кофе варить толком не умеют, сокрушался Уве.

И прежде чем налить себе чашечку доброго кофе, Уве надел синие штаны, синюю куртку, обул шлепанцы на деревянной подошве и, сунув руки в карманы, как подобает человеку немолодому и не ждущему более от этого бестолкового мира ничего, кроме разочарований, отправился инспектировать окрестности. Как делал каждое утро.

Когда он вышел за порог, в соседних домах было еще темно и тихо. Само собой. Кто тут станет напрягаться и вставать раньше положенного? Ведь теперешние соседи Уве — сплошь индивидуальные предприниматели и прочий никудышный народ.

Кошак сидел на дорожке между домами с самым невозмутимым видом. Хотя какой кошак? Так, одно название. Полхвоста и одно ухо. Шкура в проплешинах, словно скорняк накроил из нее кусков размером с кулак. Не кошак, а сплошное недоразумение, да и то не сплошное, а так, клочьями, подумал Уве.

Он направился было к кошаку, топая для остротки. Тот поднялся. Уве остановился. Так они и стояли, оценивая друг друга, точно два забияки вечером в деревенской пивнушке. Уве прикидывал, как бы поточнее запустить в подлеца шлепанцем. Кот же всем своим видом выказывал явственную досаду, что запустить в противника ему нечем.

— Кыш! — рявкнул Уве так, что кот аж вздрогнул.

Чуть попятился. Смерил взглядом пятидесятидевятiletнего недоумка в шлепках на деревянной подошве. Потом лениво развернулся и затрусил прочь. Уве даже померещилось, что перед этим кот успел презрительно закатить глаза.

Вот холера, ругнулся про себя Уве и посмотрел на свои часы. Без двух шесть. Надо поторапливаться, а то из-за паршивой животины едва не опоздал с обходом. Даром что вышел вовремя.

И Уве решительно зашагал между домами по дорожке в сторону автостоянки, которую инспектировал каждое утро. Остановился у знака, запрещающего парковку посторонних автотранспортных средств на территории ТСЖ. Легонько пнул столб с приколотым к нему знаком. Не то чтобы столб покосился, ничего подобного, просто лишний раз проверить на прочность не помешает. А Уве как раз из тех мужчин, для кого проверить вещь на прочность — значит хорошенько ее пнуть.

Затем он обследовал стоянку, обошел гаражи, убедился, что за ночь их не взломали воры и не подожгла шайка вандалов. Признаться, ничего подобного с местными гаражами спокон веку не случалось. Но, с другой-то стороны, ведь и Уве не пропустил ни одного утреннего обхода. Он дернул ручку двери, за которой стоял его собственный «сааб». Трижды, по своему утреннему обыкновению.

Потом заглянул на автостоянку для гостей, где разрешено парковаться не дольше двадцати четырех часов. Тщательно переписал номера в блокнотик, лежавший в кармане куртки. Сравнил их с номерами, записанными накануне. Если какая из машин попадала в блокнот несколько дней кряду, Уве обыкновенно

шел домой и звонил в управление транспорта. Получив телефон автовладельца, связывался с названным лицом и доводил до сведения оного, что считает его долбаным дятлом без мозгов, не способным прочесть вывеску на родном языке. Не то чтобы Уве сильно беспокоило, кто именно из гостей паркуется на стоянке. Но тут дело принципа. Дали тебе двадцать четыре часа на парковку — будь добр соблюдай. А ну как все начнут парковаться сколько хотят и где хотят — что тогда? Полный бардак, полагал Уве. Продыху от ихних машин не станет.

Сегодня, однако, посторонних машин на стоянке не наблюдалось, так что Уве с блокнотиком проследовал далее — к мусорке. Он инспектировал ее ежедневно. Не потому, что ему больше всех нужно (поначалу Уве сам громче всех возражал против дурацкой затеи этих новых понаехавших субчиков — сортировать мусор до опупения). Но раз уж решили сортировать, надо же кому-то за этим делом приглядывать. Не то чтобы кто-то поручал Уве следить, сортируют ли жильцы мусор. Но пусть Уве и такие, как он, все на самотек, в мире настанет анархия. Уве знал это. Продыху от ихнего мусора не будет.

Он легонько пнул один бак, другой. Выудив стеклянную банку из бака для стеклотары, помянул недобрым словом неких «балбесов» и снял с банки жестяную крышку. Вернул банку в бак со стеклотарой, а крышку швырнул в бак для металлолома.

Когда Уве председательствовал в жилтовариществе, он продавливал установку на мусорной площадке видеокамер: чтобы видеть, кто из жильцов кидает «неположенный мусор». К огромной досаде Уве, собрание проголосовало против: по мнению остальных